

Текст · 2 марта 2020, 10:34

Олег Зурман,

Замок. Как сорок жалоб на пытки в калининградской колонии превратились в дело с одним потерпевшим и условными сроками для тюремщиков

Исправительная колония №7 находится в Гвардейске-^[1], небольшом городке в 42 километрах от

Калининграда. Учреждение занимает здание замка-, построенного в XIV веке рыцарями-тевтонцами. В XVI веке замок Тапиау стал загородной резиденцией последнего великого магистра ордена и первого герцога Пруссии Альбрехта. Под тюрьму Тапиау приспособили французы, занявшие Восточную Пруссию во время наполеоновских войн. После Второй мировой в замке содержали нацистских преступников, потом тут была трудовая колония для несовершеннолетних, а с 1960 года — колония строгого режима. Сейчас это мужская колония общего режима, рассчитанная на 1 300 человек с участком колонии-поселения. В ИК-7 отбывают наказание те, кто осужден впервые.

Исправительная колония №7. Фото: Александр Вавилов

Утро 1 августа 2017 года 29-летний^[2] Михаил Зелинский встретил на плацу вместе с остальными осужденными — в колонии шла общая физзарядка и проверка. Как рассказывал позже Зелинский следователю (обвинительное заключение есть в распоряжении «Медиазоны»), во время зарядки к нему подошел дежурный помощник начальника колонии, 28-летний Дмитрий Фиц — сотруднику ФСИН не понравилось, как заключенный выполнял упражнения.

Фиц отвел Зелинского к дежурной части, где к ним присоединился 22-летний сержант Александр Чумаков, служивший младшим инспектором отдела безопасности. Заключенного завели в помещение напротив — досмотровую, или комнату для обысков. По словам бывшего председателя Общественной наблюдательной комиссии Калининградской области Александра Халтурина, заключенные называли эту комнату «стаканом». Побывавший внутри Халтурин рассказывал, что там стоял сейф с надписью «инструмент для проведения обыска»,

а внутри лежала кувалда; начальство колонии утверждало, что кувалду изъяли у осужденных.

Зелинскому, следует из обвинительного заключения, приказали «занять безопасное положение», то есть встать лицом к стене, подняв руки вверх и широко расставив ноги — и потребовали выдать запрещенные предметы. Когда заключенный сказал, что таковых нет, Фиц и Чумаков начали бить его резиновыми палками, а потом повалили на пол и продолжили избиение.

Крики Зелинского слышали как минимум двое других заключенных — Евгений Гаук и Дмитрий Пряжников, находившиеся неподалеку от «стакана». Оба свидетеля на допросах показали, что избиение продолжалось около десяти минут. По словам самого Зелинского, ему нанесли не меньше 20-30 ударов дубинками, руками и ногами; заключенный настаивал, что ни действиями, ни словами не провоцировал Фица и Чумакова, а, напротив, вел себя максимально сдержанно, чтобы не давать фсиновцам лишнего повода применить силу.

Сами сотрудники колонии утверждали, что им пришлось использовать дубинки, потому что Зелинский не подчинился и оказал сопротивление при обыске. В их версии события в тот день развивались совсем не так, как рассказывал заключенный: по словам Фица, осужденный без спроса покинул строй на плацу и направился в расположение одного из отрядов. Увидев это, дежурный помощник начальника решил, что у Зелинского есть какие-то запрещенные предметы,

и перед проверкой он пытается их спрятать. И Фиц, и Чумаков говорили, что оказавшись в комнате для обыска, Зелинский стал отмахиваться и уворачиваться от надзирателей, когда они ощупывали его карманы, а резиновые палки пустили в ход, чтобы тот перестал сопротивляться. Фиц признал, что ударил заключенного не менее пяти раз, стараясь бить по ягодицам, хотя не исключал, что мог попасть и по спине.

Когда Зелинский успокоился, Чумаков продолжил обыск, и по его утверждению, нашел в кармане зажигалку. По словам самого заключенного, зажигалку подбросили, чтобы оправдать насилие.

В знак протеста Зелинский там же, в досмотровой порезал себе вены припрятанным лезвием для бритвенного станка, которое, как следует из его показаний, сотрудники ФСИН не нашли. Это случилось, когда осужденный ненадолго остался один: Фиц в это время отправился докладывать начальству об инциденте с применением спецсредств, а Чумаков вышел покурить.

В своей жалобе, позже опубликованной на сайте проекта «Российские ОНК», Зелинский утверждал, что его продолжали избивать даже после того, как он нанес себе порез. На стене комнаты следователи впоследствии обнаружили пятна «вещества бурого цвета»; судебная биологическая экспертиза показала, что это «кровь человека, происхождение которой возможно от потерпевшего Зелинского М.В.». «Ты вскрыл вены, но зря, будем убивать тебя сильнеей», —

якобы сказал заключенному Дмитрий Фиц. Впрочем, в показаниях, которые Зелинский дал следователю, этот эпизод не упоминается.

В этом же письме Зелинский рассказывал: «Я начал кричать, чтобы включили видеорегистратор, чтобы все было по закону. На что они вновь приказали мне принять безопасную стойку, но от полученных травм я не мог самостоятельно даже стоять». Чумаков и Фиц утверждают, что этого не было: Зелинского просто отвели в медсанчасть, где ему наложили швы — порез был один, но очень глубокий. После обыска, уверял Зелинский, его на пять суток отправили в ШИЗО; за это время заключенного ни разу не посетил медработник.

Исправительная колония №7, вид с берега. Фото: Александр Вавилов

История Михаила Зелинского получила огласку лишь спустя два месяца, в начале октября 2017 года, когда колонию посетили члены ОНК. Свидетельство

Зелинского о насилии со стороны сотрудников ИК-7 было не единственным — правозащитники получили от осужденных сразу 41 жалобу.

«Применяют физическую силу и избивают, унижают, задевают честь и достоинство. Заламывают руки за спину, подвешивают за ноги и избивают до потери сознания. А для устрашения и забавы во время всего этого записи на видеорегистратор не ведутся», — говорилося в одном из обращений. Почти во всех жалобах речь шла об избиениях и необоснованном применении физической силы, одни осужденные писали, что администрация ИК-7 «ведет себя агрессивно, провоцирует на конфликты и пугает физическим воздействием», другие — что надзиратели портят имущество колонии, заставляя осужденных его потом ремонтировать.

Такой поток заявлений оказался беспрецедентным для Калининградской области, говорит «Медиазоне» Александр Халтурин, возглавлявший тогда ОНК и лично читавший жалобы осужденных из Тапиау. «С таким количеством [обращений] никогда не сталкивались», — отмечает он. Правозащитник вспоминает, что подобное в его практике было лишь однажды: когда несколько лет назад заключенные женской колонии №4 рассказали, что их массово принуждают работать на производстве янтарных сувениров. в 2017 году «Новый Калининград» писал об изготовленных женщинами-заключенными янтарных бюстах Сталина, которые демонстрировались «в

областной Думе в рамках круглого стола о возможностях производственного сектора регионального УФСИН».

После появления публикаций о пытках и насилии в Тапиау Следственный комитет возбудил уголовное дело по статье о превышении должностных полномочий с применением насилия (пункт «а» часть 3 статьи 286 УК). В СК посчитали, что с января по октябрь 2017 года от действий должностных лиц ИК-7 пострадали восемь человек; каков результат рассмотрения остальных 33 жалоб, не сообщалось.

Расследование дела заняло полтора года, в суд оно поступило в середине мая 2019-го, а уже через месяц его вернули в прокуратуру. В результате в финальной версии обвинения вместо восьми потерпевших фигурировал уже один — Михаил Зелинский. Это в СК объяснили тем, что остальные семь человек, чьи жалобы легли в основу уголовного дела, отказались от своих слов. «Часть осужденных в ходе следствия сообщили, что их никто не пытал и не избивал, доводы других осужденных о применении к ним насилия проверили в ходе следствия, и своего объективного подтверждения они не нашли», — сообщили «Медиазоне» в ведомстве.

Александра Чумакова и Дмитрия Фица задержали в начале апреля 2019 года, суд поместил их под домашний арест. Сотрудникам ИК-7 инкриминировали превышение должностных полномочий с применением насилия и специальных средств (пункты «а», «б» части 3 статьи 286 УК).

Заново рассматривать уголовное дело Гвардейский районный суд начал в сентябре 2019 года. Чумаков и Фиц вину не признали. Неповиновение Зелинского, который якобы «отмахнул» руку Чумакова, когда тот проверял карманы заключенного, надзиратели расценили как нападение и сочли, что имеют право применить силу и резиновые палки.

В начале февраля Гвардейский райсуд приговорил обоих фсиновцев к трем годам лишения свободы условно; еще два года им будет запрещено работать в уголовно-исполнительной системе. Суд избрал столь мягкое наказание, учтя, что Фиц и Чумаков воспитывают маленьких детей и положительно характеризуются на службе и в быту.

Адвокат Евгений Николаец, защищавший Дмитрия Фица, отказался обсуждать с «Медиазоной» обвинение и приговор, сославшись на адвокатскую тайну; он не стал говорить, собирается ли его обжаловать. Судя по карточке дела, решение суда не устроило ни защиту, ни гособвинителя.

Рассуждая о том, почему фигурантами уголовного дела стали всего два сотрудника ИК-7, член местной ОНК Александр Вавилов предполагает, что из колонии «убрали самых наглых и склонных к бытовому садизму» — но сделали это «по-тихому», например, переводом в другие учреждения. По его мнению, ФСИН не готова к показательным увольнениям даже безнадежно скомпрометировавших себя сотрудников: из-за крайне низких зарплат ведомство испытывает постоянный дефицит кадров.

Исправительная колония №7, вид с берега. Фото: Олег Зурман / Медиазона

В апреле 2017-го один из заключенных той же ИК-7 Михаил Б. рассказал адвокату Татьяне Спеховой, что его насилюют и избивают другие осужденные, а администрация колонии никак не реагирует на происходящее. По словам защитницы, в 41 год Михаил выглядел, «как 60-летний старик». Мужчину на месяц изолировали от тех, кого он обвинял в издевательствах, но затем вернули в тот же отряд. При последующем визите правозащитников и прокурора заключенный уже не говорил о сексуальном насилии, но подтвердил, что его по-прежнему бьют. Отчитываясь о проведенной проверке, в УФСИН тогда сообщили-, что «обстоятельства, изложенные в заявлении, не нашли подтверждения». В итоге заключенного водворили в ШИЗО на три месяца — он попросил об этом сам.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. До 1946 года — Тапиау.

2. На тот момент.